

ОЛЬГА ГРОМЫКО

ПРОФЕССИЯ: ВЕДЬМА

Профессия: ведьма

Профессия: ведьма

ПРОФЕССИЯ: ВЕДЬМА
ВЕДЬМА-ХРАНИТЕЛЬНИЦА
ВЕРХОВНАЯ ВЕДЬМА
ВЕДЬМИНЫ БАЙКИ

ОЛЬГА ГРОМЫКО

Профессия:
ведьма

ОЛЬГА ГРОМЫКО

ПРОФЕССИЯ: ВЕДЬМА

РОМАН

Москва, 2011
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

СТАРМИНСКАЯ ШКОЛА ЧАРОДЕЕВ,
ПИФИЙ И ТРАВНИЦ
ФАКУЛЬТЕТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
И ПРАКТИЧЕСКОЙ МАГИИ
КАФЕДРА МАГОВ-ПРАКТИКОВ

Часть первая
СОЦИАЛЬНЫЙ УКЛАД, БЫТ
И ПРАВЫ ВАМПИРЬЕЙ ОБЩИНЫ

Курсовая работа

адептики 8-го курса Вольхи Редной

Научный руководитель:

Магистр 1-й степени архимаг Ксан Перлов

*999 год по Белорскому летосчислению,
город Стармин*

Вик. А что? Вы что-то имеете против вампиров?
Р. Асприн. Корпорация М. И. Ф.

ВВЕДЕНИЕ

Хороший сегодня выдался денек. Теплый. Безветренный.

Вторая декада сеностава месяца неспешно сочилась сквозь клепсидру солнечного лета, и голоса зябликов, доносившиеся из придорожных кустов, звенели в ушах. Я ехала сквозь их гнездовые уголья, как вдоль пограничной полосы. Полосой была дорога, заброшенный, проклевывающийся пыльной травой Кривой Большак. Зяблики попеременно возмущались вторжением человека на бе-

лой лошади в их частные владения, залихватские трели сменялись хриплым чириканьем, птахи суетливо перепархивали по веточкам, тревожа листву. Разноцветная кайма вокруг черных подсыхающих луж взрывалась сотнями истомленных жарой мотыльков, раскручивалась ввысь вихрем трепещущих крыльев. Поводья, завернутые петлей, свисали с передней луки. Я покачивалась в седле, как мешок с крупой, придерживая левой рукой лежавшее на коленях письмо и пытаюсь разобрать прыгающие перед глазами руны. Ромашка пользовалась моим расслабленным состоянием, все замедляя и замедляя шаг, надеясь, что я, увлеченная чтением, не замечу ее коварного маневра и дам ей остановиться и спокойно пощипать травку.

— Ты чего это, голубушка? А ну, шевели копытами!

Плутоватая кобылка разочарованно всхрапнула.

— Давай, давай, халтурщица.

Я устроилась поудобней, если вообще можно устроиться поудобней на том пыточном предмете, коим являлось для меня жесткое казенное седло на третий день пути. Ромашкина грива тоненькими колечками спускалась до передней луки, забиваясь между страницами пухлого письма, которое я должна была вручить Повелителю Догевы и которое уже минут пять как самовольно вскрыла при помощи магии, не тронув увесистой печати на веревочке. На алом воске отчетливо проступал оттиск перстня — тринадцать рун и переплетающийся с драконом единорог в центре.

Угрызения совести никоим образом не сопутствовали сему времяпрепровождению. Во-первых, письмо писал мой Учитель, то есть ничего более обидного или нового, чем я о себе знала, сообщить он Повелителю Догевы не мог. С другой стороны, вдруг Учитель строчил это письмо в состоянии несвойственного ему благодушия и умиротворения? Должна же я соответствовать своей характеристике. И в-третьих, Варвара — не единственная любопытная женщина на земле. О каре, постигшей вышеупомянутую, я старалась не думать.

Итак, я приступила к чтению.

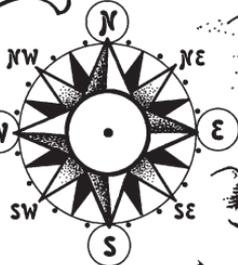
«Многоуважаемый Повелитель Догевы, благородный Арр'актур тор Ордвист Ш'эонэлл из клана...»

Мура, геральдика, ни к чему не обязывающая вежливость. Пропускаю. Страницу пропускаю. Вторую. Руны маленькие, заковыристые, не сразу и разберешь. Почерк у моего Учителя — для секретных документов лучше не придумаешь. Ему бы шпаргалки к экзаменам писать. Да когда же закончится это введение?! Тоже мне, Повелитель — на карте этой Догевы с медную менку, а почестей — на золотой кладень! Интересно, будет ли его читать сам Арр'актур? Вряд ли, разве что у него прогрессирующая мания величия. В таком случае не следует ли мне, законопослушной жительнице державного города Стармина, столицы Белории, официальной резиденции многоуважаемого кем-то его величества короля Наума, заблаговременно поупражняться в благоговейном трепете? Как-никак личность я незначительная, ничем не примечательная, кроме золотисто-русых волос с рыжиной да вредного характера. Первое качество — наследственное, второе — благоприобретенное. Моя подробнейшая автобиография — три строчки с финтифлюшкой на переносе: круглая сирота, восемнадцать лет назад имела несчастье появиться на свет в семье потомственных тружеников полей, то бишь селян, в промежутках между весенними и осенними страдами с грехом пополам выучила грамоту, а восемь лет назад сбежала в Стармин и поступила в Высшую Школу...

Тут мои занятия литературой, дипломатией и генеалогией грубо прервали. Очень грубо. Я едва успела подхватить листки, поползшие в разные стороны. Ромашка, неисправимая саботажница, задумчиво жевала узду, бряцая железом, в то время как незнакомый и весьма подозрительный тип обросшей наружности демонстративно потрясал перед лошадиной мордой самодельным арбалетом с грязной стрелой многоразового использования, так что непонятно было, кого он собирается грабить — меня или

ВИНЕССА

ДОГЕВА

МАРИНА
ПАДЬ

КРОКОВИЧИ

КОГТИ ВОРОНА

ПЕРЕКРЕСТЬЕ

ГЛУХ ЛЕС

СО ВСЯК

ЧУДНИЦЫ

ЗАРНИЦЫ

КАМНЕДЕРЖЕЦ

БОЛОДНИЦЫ

БОГОР

СТАРМИ

ОПАДНИЦЫ

ГЕРНИ

ТОПЛЯЕ

ЗАМОСТЬЕ

ПУСТОШНИЦЫ

РАЗДОРЬЕ

ХАВКИ

КОЗИЙ БРОД

МАГИЧЕСКИЙ
ФОРТ

ВИТ

БЕЛОРИЯ

Ромашку. Я приподнялась на стременах, с интересом рассматривая заржавленный наконечник.

— Я не думаю, что это самое удачное место для торговли антиквариатом,— доверительно сообщила я незнакомцу.— Вот в Стармине у вас бы его с руками оторвали. Вернее, отрубили. Знаете ли, там очень не любят разбойников...

Ромашка обнюхала арбалет, презрительно фыркнула и, напроочь игнорируя грабителя, потянулась к аппетитной зелени малинника, из высокой гущи которого только что возникло это чудо в лаптях.

Преступный элемент заметно смутился. Наконечник затрепетал, как щенячий хвостик. Увы, до раскаяния и покаяния было еще далеко — заблудшая овца упорствовала во грехе сребролюбия:

— А ну-тка, живо слезай с коня, девка языкатая! Кошелек или жизнь, да пошустрей, слышишь?

Я изобразила усиленную работу мысли:

— Ладно, убедил. Кошелек.

Пахнуло озоном.

Лицо грабителя передернулось, зрачки расширились, глаза остекленели, и он, медленно опустив арбалет, отвязал и беспрекословно подал мне тощий мешок, болтавшийся у пояса.

От мешка разило кошками и куревом. Ослабив веревку, стягивавшую горловину, я пропустила сквозь пальцы несколько мелких монет.

— Маловато, дорогой мой, маловато. С ленцой работаешь, без огонька. Впрочем, так уж и быть, возьму в качестве аванса,— ошастливила я грабителя, швыряя ему под ноги пустой мешок, и предупредила: — Я через пару дней этой же дорогой назад поеду, так уж будь добр, постарайся меня не разочаровать.

Мужик, не отрывая от меня загипнотизированного взгляда, медленно нагнулся, поднял мешок и застыл столб столбом, не в силах шевельнуться без моего ведома.

Как только горе-грабитель скрылся из виду, я деактивировала заклинание и позволила Ромашке перейти с га-

лопа на любимую ею трусцу. Письмо, зажатое во время подсчета денег у меня между коленями, немного помялось и утратило товарный вид. Впрочем, рассудила я, главное не оформление, а содержание. Оно же компенсировало недостатки репейного листа, использованного в укромном месте.

Ага, вот наконец и обо мне пара строк. За дифирамбами загадочному Арр'актуру пропустишь и не заметишь.

«...за время обучения в Высшей Школе Чародеев, Пифий и Травниц адептка Вольха проявила себя...»

Знаю. Очень плохо.

«...неусидчива, нетерпелива, своевольна...»

Знакомая песня.

«...любит злые шутки и неоднократно переносит их с воспитанников на воспитателей...»

Это он про ведро, что ли? Да, было одно ведерко, довольно объемистое. Стояло себе на балке, над дверью моей комнаты. Эдакий самодельный капкан на соседей по Школьному общежитию, дабы неповадно было без спросу одалживать у меня конспекты и кастрюли с наваренным на неделю борщом. Может, Учитель так бы не разозлился, если бы ведро все-таки опрокинулось, а не упало ему на голову стоймя, вместе с водой?

«...отличается редкими способностями к практической и теоретической магии, сильно развитой интуицией, быстро адаптируется к нестандартной ситуации...»

Ха, может, я еще не безнадежна?

«...рекомендую применить ее дарование для решения упомянутой Вами проблемы. Да, еще. Последующие страницы начертаны симпатическим составом, дабы уберечь их содержание от неумеренного любопытства вышеупомянутой адептки, которая в настоящий момент наверняка уже ознакомилась с содержанием страниц предыдущих. Компоненты, входящие в состав, Вам известны, и для Вас не составит труда...»

Нет, безнадежно. Меня исправит только могила.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Глава 1

Неприличная какая-то граница у Догевы. У эльфов — высокие травы. У гномов — скалы. У вадлаков — груды выброшенной на поверхность земли. У дриад — дубы, подметающие облака. У друидов — каменные круги. У людей — облупленные стены, каналы с затхлой водой, разделенные парой-тройкой подъемных мостов, да лысые стражники при них, бдительно дремлющие, упираясь на ржавые алебарды.

А здесь — осины. Издевательство какое-то, особенно если учесть, что жители Догевы — вампиры. Хорошие такие осины, серебристые, трепещущие. За осинами щекочет небо островерхий еловый ковер, среди которого кое-где проглядывают затравленные березки и сосенки, сама же Догева лежит в долине, как плюшка на дне расписной пиалы. Если смотреть с холма — края пиалы, виден белый ободок из осин; второй потолще, потемнее — из елей, а в центре — широкое зеленое дно с крапочками: сама Догева в кольце возделанных полей и облаках тумана.

«Подойдешь вплотную к деревьям,— наставлял меня Учитель,— и пошлешь мысленный сигнал в глубь леса. Любой. Можешь думать о чем угодно, лишь бы сформировать мощную телепатическую волну.

— А кому мне ее направить?

— На общей частоте. Кто-нибудь из Стражей Границы услышит.

Я смущенно кашлянула:

— Лучше бы ему этого не слышать...

— Не обязательно продумывать очередную пакость. Знаю, знаю, ты на них сверх всякой меры горазда, но на сей раз постарайся воздержаться от оных. О чем это я? Ах да, о волне. Вампиры очень восприимчивы к телепатии и сразуотреагируют на ее присутствие, хотя и не смогут досконально расшифровать. Так что напирай на количество, а не на качество.

— Вот так? — Я смотрю на дымящую баню, наморщив лоб от усердия, и на мою волну тут же реагируют пять или шесть адептов, которые, овеянные паром, выбегают из дверей и выпрыгивают из окон, атакованные внезапно ожившими вениками. Руки будущих коллег заняты шайками, прикрывающими от веников самое сокровенное. Учитель умирляет веники одним движением брови, но взгляды, адресованные шутнице недомытыми коллегами, не сулят ничего хорошего.

— Я сказал «подумать», а не транслировать заклинания. Жаль, что за годы, проведенные в этих стенах, ты так и не научилась думать.

Что ж, думаю. Стою под осиной, наморщив лоб, и Ромашка уже что-то жует, зеленая слюна сочится из черных уголков бархатистых губ, разделенных кольцами удил. Телепатировать — значит, сознательно делиться мыслями с кем-нибудь другим. Делюсь последним. Из леса тянет прохладой, сидящая на ветке иволга удивленно покачивает хвостом в ответ на мои умственные потуги.

Либо занятие оказалось мне не по зубам, либо ошарашенные Стражи Границы попадали на месте, сраженные моей мощной думой. Мои старания увенчались успехом минут через сорок, и за это время я успела передумать больше, чем за предыдущие восемнадцать лет.

А вот и результат. Ага, подействовало. Или он проходил мимо случайно?

Я впервые увидела вампира. Возможно, если бы он возник из ниоткуда, был бледен как смерть и недвусмысленно скалил окровавленные зубы, я бы его испугалась, как, собственно, и планировала. Мои знания в области вампироведения базировались на человеческих легендах

и преданиях, отличавшихся редкостным пессимизмом. К тому же все гравюры, картины, гобелены, на скальная живопись изображают вампиров исключительно ночью и в темноте. Крылья, зубы, когти — все это кажется таким страшным и огромным только потому, что толком ничего нельзя разглядеть.

Дневной свет развеял ореол ужаса в пух и прах. При солнечном свете, на фоне бескрайних полей и высоких деревьев вампир показался мне возмутительно мелким и безобидным. Правда, я еще не спешила. А пришлось — мне галантно предложили руку, воспользоваться которой, впрочем, я не рискнула.

Вампир улыбнулся, показав длинные клыки. Любой улыбнулся бы, увидев, как я сползла-съехала по крутому Ромашкиному боку. Перекинув поводья через голову лошади, я выжидающе уставилась на вампира. Страж Границы оказался выше меня на полголовы, широк в плечах и весьма недурен собой. Длинные темные волосы обрамляли узкое загорелое лицо, сложенные за спиной крылья придавали вампиру некоторое сходство с Мороем, демоном — посланником смерти, десятиаршинная статуя которого украшала актовый зал Высшей Школы. Черные, пронзительные, чуть раскосые глаза вампира изучили мою малопривлекательную внешность, но так и не сумели разгадать, что за ней сокрыто.

— Кто вы и что вам нужно в Догеве? — внушительно, гортанно и в меру грозно произнес вампир.

— Я? — Я так сосредоточенно телепатировала, что забыла заранее подготовленный ответ.

— Ну не я же! — соблаговолил пошутить вампир.

Меня словно леший за язык дернул.

— О, я всего-навсего юная, прекрасная и невинная девица, одиноко и печально блуждающая в темном лесу в ожидании своей ужасной участи, — выпалила я, учитывая приписываемые вампирам вкусы и честно стараясь не расхохотаться Стражу в лицо. Стоит ли упоминать, что трафарет ответа не имел ничего общего с моим экспромтом.

Вампир оторопел и больше чем я сама походил на обиженную судьбой девицу.

— Что? — удивленно переспросил он.

Я послушно повторила.

По лицу Стража скользнула тень понимания.

— Вы Вольха Редная, адептка старминской Школы Чародеев, — медленно и серьезно сказал он. — Верно?

Пришел мой черед изумляться:

— Откуда вы...

— Идите за мной. — Вампир повернулся и исчез в осинном подросте опушки.

— А лошадь?

— Ведите в поводу, — послышался спокойный ответ. — До дороги всего десять шагов, а в обход не меньше полумили.

Ромашку перспектива лезть в кусты, мягко сказать, не обрадовала. Я повисла на узде. Эффекта никакого. Лошадь заплясала на месте, изредка привставая на дыбы и пытаясь развернуться. Высокий частый осинник, с ее точки зрения, был совершенно неподходящим местом для прогулок уважающих себя лошадей. Я уже подумывала о создании миража дороги, но во время борьбы мы изрядно помяли гибкие ветви, и лошадь увидела в глубине леса дорогу настоящую. Для приличия пофырков, Ромашка успокоилась, и я решительно потянула ее за собой. Мысль, подходят ли догевские куши для людей, мне раньше в голову не приходила. Волевым усилием я отогнала ее и теперь. Ну вампиры и вампиры. Не упыри же. Чай, разумная раса. Договоримся.

Вампир терпеливо ждал, прислонившись к стволу осины, как наглядная иллюстрация к фолианту «Человеческие суеверия и их причины». Ромашка реагировала на него соответственно, то есть никак, хотя ей бы полагалось храпеть, бить копытом и косить налитым кровью глазом. Впрочем, лошадь у меня на редкость флегматичная.

Убедившись, что вся компания в сборе, вампир с явным сожалением оторвался от полюбившегося ему дерева и повел нас в глубь леса. Теперь я глядела ему в спину:

крылья, выпущенные сквозь прорези в одежде, напоминали черный плащ, надетый вместе с вешалкой — именно с ней у меня ассоциировались тонкие кости, не дававшие жестким крыльям летучей мыши спадать.

Мрачноватый, но величественный лес, застланный ковром елового опада, ничем не отличался от десятков и сотен других лесов, сквозь которые я проезжала, проходила и даже проползала на четвереньках в поисках ягод. В кронах елей тоненько тивкали корольки, по краям едва заметной тропки пышно курчавилась нежно-салатовая кислица.

Вампир молчал. Я думала. На этот раз — исключительно для себя.

Еще неделю назад я и вообразить не могла, что когда-нибудь окажусь в Догеве, да еще по делу. До окончания Школы оставался полуторагодовой запас неизгрызенного гранита науки, хотя по некоторым предметам я значительно опережаю не только адептов-погодков, но и наставников. Даже Учитель, что там греха таить, не всегда может разобраться в наведенных мною абстракциях. Учитель преподает практическую магию со второго курса. Он требователен, сварлив и капризен, как старая дева. Угодить ему чрезвычайно сложно. А я к тому же ненавижу угождать. Одно время я всерьез подумывала: а не бросить ли мне всю эту муру и перевестись на факультет Ворожей или Травников? Но привыкла, втянулась, растеряла половину ершистости и стала обращать на Учителя не больше внимания, чем на ежевичную плеть, которая колется и цепляется за одежду, но тем не менее приносит определенную пользу. «Практическая магия не для девушек», — говаривали адепты мужского пола, завидуя моим способностям. Они оказались правы. Я единственная девушка на всем потоке. Остальные пять или шесть отсеялись после первого семестра. Конечно, девушке больше пристало возиться с больными, принимать роды или заговаривать раны — короче, исцелять либо прятать ошибки под землей. Магистра практической магии ждали урочища с упырями, сварливые драконы, застенчивые васи-

лиски и улучшение благоприятной обстановки в целом. Наверное, во мне слишком мало сострадания, чтобы возиться с больными. Упыри же в моем сострадании вроде бы не нуждаются.

Восемь лет назад, когда я робко тронула колотушкой бронзовую бляху на воротах Школы, никто не верил, что из меня получится даже Травница. Я была диковатым десятилетним подростком с оптимальным количеством прыщей вперемешку с веснушками. И уймой талантов, запрятанных так глубоко, что на собеседовании их не выявили. Да особенно и не пытались. Школа предпочитала брать на обучение городских ребят из обеспеченных семей, более-менее образованных, воспитанных и готовых в случае чего поддержать Школу материально. На собеседовании мне долго пытались втолковать, чем левая рука отличается от правой, которую я должна была положить на лист бумаги и представить, как он обугливается под фалангами пальцев. Что такое «фаланги», я тоже не знала. В общем, Школа стояла и намеревалась стоять дальше без моего участия.

Помнится, я сидела на земле у ворот и наполовину глотала, наполовину размазывала по лицу крупные злые слезы, помимо воли катившиеся из глаз. На мое счастье (или несчастье?), Учитель не числился в составе приемной комиссии, он как раз возвращался из долгосрочной дипломатической командировки, и на его пути сидела я.

— Разве магичке пристало плакать? — сурово спросил он, нависая надо мною бородатой скалой с посохом.

Я шумно вытерла нос:

— А я не магичка! И могу плакать, где захочу!

— Ишь ты! — удивился Учитель, присаживаясь на краешек каменной кадки с цветами.— А ты знаешь, что, когда маленькие девочки так горько плачут, портится погода? Ой, смотри, накличешь дождь на мою седую голову.

— Не накличу.

— Это еще почему?

— Потому что вы — колдун и над вами не каплет.

Учитель то ли засмеялся, то ли закашлялся в бороду.

— Поэтому ты и захотела стать магической, да? И кем же? Травницей или Пифией?

— Нет! Настоящей магической! Чтобы жуть как волшебствовать и чтобы все меня боялись!

— Некроманткой, что ли? — усмехнулся Учитель.

— Не кроме... чего?

— Ну злой ведьмой, — объяснил маг.

— А добрых ведьм не бывает? — подумав, спросила я.

— Почему, бывают. Их называют магами-практиками или магами-воинами.

— Во-во. Это мне подходит.

— А упырей не боишься?

— Не-а. Я только тараканов боюсь. И крыс немножко, — со вздохом созналась я.

— Ну вот. А маг ничего не должен бояться.

— И вы совсем-совсем ничего не боитесь?

Учитель призадумался, поскреб макушку:

— Видишь ли, кое-кого маг все-таки должен бояться. Себя самого. Магия — это не балаганские фокусы с шариками да картами, она может быть темной и светлой, доброй и злой, разрушительной и созидательной, и какой она станет в твоих руках — зависит только от тебя, а это огромная ответственность. Смотри, — сказал маг, поворачивая руку ладонью вверх, и над ней материализовался сгусток синего пламени. — Красивый шарик, правда? И такой безобидный с виду. Посмотри, как спокойно он лежит в моих ладонях. Как ты думаешь, останется ли он столь же покладистым в чужих руках?

Я не любила отвечать на провокационные вопросы и без колебаний ухватилась за шарик обеими руками.

— Уй, да он совсем холодный! — восторженно завопила я, забыв про слезы. — И шевелится!

Учитель ответил не сразу. С трудом подтянув отвисшую челюсть, он слабым голосом попросил меня «выкинуть бяку» куда подальше. Я удивилась, но послушалась. Блеснуло и грохотнуло, а когда дым рассеялся, мы увидели крышу дальнего амбара. Еще некоторое время она висела в воздухе, потом шумно рухнула на пепелище.

— Это еще что такое?! Опять ваши дурацкие эксперименты, Ксандр? — прогремело за спиной. Обернувшись, я увидела низенького, упитанного и лупоглазого мага неопределенного возраста, с крючковатым носом и щеткой рыжих усов.

— А, Питрим,— небрежно сказал Учитель, не оборачиваясь.— Как же это ты просмотрел такую жемчужину? Потрясающий дар управления энергией, телекинетические способности — прирожденный Практик. Я беру ее в свою группу.

Питрим — директор и завуч в одном лице. Преподает некромантию, но лишь постольку-поскольку, степень Магистра у него по магии стихий. Имя у Питрима длинное, заковыристое, как свернувшаяся клубком гадюка. Он назвал его на вступительном занятии, но так быстро и неразборчиво, что никто даже записать не успел. Адепты почтительно величали его «досточтимым Магистром Питримом». Наставники обходились без «досточтимого». А Учитель — и без «Магистра».

За глаза Питрима честили «некрохрычом». Причем и адепты, и наставники.

Питрим смерил меня презрительным взглядом.

— Мест нет,— буркнул он.— У нас и так семь лишних абитуриентов, а все благодаря вам. Подбираете их с улицы, как бездомных котят, а потом заваривается дурацкая канитель с отчислением, порождающая недоучек, опасных для общества.

На секунду воздух между магами сгустился и потемнел. Всего лишь на секунду.

— Пойдем, девочка,— сказал Учитель, не опуская глаз.— Ты принята. С этой минуты ты — адептка Школы Чародеев, Пифий и Травниц.

По Школе давно ходили слухи, что в Догеве творится что-то неладное, но что именно — не знал никто. Все только догадывались, и с таким глубокомысленным видом, словно дипломы со званиями Пифий 1-й степени уже лежали у них в карманах. Все переговоры с Догевой вел

Учитель. Магистр Питрим в это не вмешивался, но развил бурную деятельность «по контролю над ситуацией», то есть проводил по два-три совещания в день, после которых доведенный до белого каления Учитель начинал лекцию по практической магии штурмовым опросом, безжалостно пуская на дно юные челны разума, лишённые балласта знаний. Воздух бурлил от магии. Послания из Догевы передавались телепатически, по цепочке осевших в городах магов. Да и то правда — где найдешь гонца, который согласится стать посыльным у вампиров? В радиусе десяти миль от Догевы нет ни одного человеческого поселения. Боятся. Еще бы. Вампиры! Кровопийцы! Страх и ужась! Запирайте двери, кушайте чеснок.

На лекционных курсах «Разумные расы» вампиров проходили между эльфами и гномами, в разделе «Союзники». «Расы», к сожалению, преподавал Питрим, преподавал нудно, заковыристо и со своей точки зрения. Эльфов он недолюбливал, гномов опасался, о троллях сказал два непечатных слова, а вампиров ославил так, что впору точить колья и идти на них войной. Из-за этой его предвзятости мы ничего толком не знали о вампирах, а на экзамене достаточно было ляпнуть на их счет какую-нибудь непристойность, и пятерка обеспечена. Подавляющее большинство магистров и адептов придерживались Питримовой точки зрения. Если у леших, русалок и даже гоблинов еще находились защитники, то вампиров никто хвалить не решался.

А ситуация все накалялась. Наставники ходили как пришибленные, занятия срывались. Адепты пользовались неразберихой и творили что хотели. На лекции по травоведению в чан с зельем таинственным образом попаладохлаямышь, ожить не ожила, но от запаха эликсира две адепткки упали в обморок, а у остальных так разболелась голова, что занятия отменили «до полного выветривания чужеродного элемента». В темных коридорах подвального этажа завелся скелет, он гремел костями и бил реторты с ценными ингредиентами, как то: кровь дракона концентрированная, желчь девственниц (огром-

ный дефицит, обусловленный еще большим дефицитом поставщиц), ртуть гремучая и царская водка. На поиски и ликвидацию скелета пришлось выделить специальную комиссию с аспирантом Алмитом во главе, в результате чего были добиты недобитые реторты, а скелет оказался наглядным пособием из кабинета анатомии, в пустую черепушку которого чья-то шаловливая рука вселила дух алхимика-самоубийцы.

Но это все к делу не относится. Настоящие страсти разыгрались, когда исчез один из преподавателей. Перед выходными по поводу Праздника Воды он, как всегда, задал нам кучу заклинаний и упражнений на отработку пассов, непререкаемым тоном зачитал отметки по контрольной, попрощался и больше мы его не видели. Важек, адепт, подсмотрел, как он оседлал каурого коня в тени амбара, приторочил к седлу походную сумку и галопом отправился по дороге на Богор. И не вернулся. Богор лежал на одной линии с Догевой. Школу захлестнула новая волна слухов, еще более туманных и неопределенных. Цены на чеснок взлетели до небес. А еще подорожали мечи и кольчуги. Стармин наводнили странные типы, угрюмые и обросшие сальными патлами. Они оккупировали постоянные дворы и кабаки, сбиваясь в банды, напоминавшие крысиные стаи.

— Наемников нам только не хватало, — ворчал Алмит, Магистр 4-й степени, который временно замещал Питрима, вел практические занятия по «Разумным расам» и в данный момент пытался распределить между нами темы курсовых работ. — Налетели, как воронье на падаль. Как бы самим падалью не стать. Мало им одной войны, стервцам.

Алмит имел в виду войну с вампирами, завершившуюся семьдесят лет назад подписанием мирного договора.

— Договор еще в силе, — заметил Важек.

— Вот потому мы сейчас и имеем неудовольствие лицезреть наемных убийц под самыми окнами Школы. Официально король не может выступить против вампиров, так как договор подписали все разумные расы, в том числе са-

мые многочисленные, то бишь эльфы, тролли и гномы,— последние, между прочим, прибрали к рукам всю металлургию и оружейную промышленность, так что ссориться с ними не следует. Они немедленно сплотятся против агрессора и основательно надерут ему... кхм... в общем, дадут достойный отпор. А наемники — совсем другое дело. Они как бы вне закона, свободные охотники. Как говорится, за всеми подданными не уследишь. Официально король объявит им анафему, а неофициально... как вы думаете, на какие доходы вон тот, лохматый, с бородой, кокетничает с... хм... девицей вольного поведения?

Алмит отошел от окна, подавая пример адептам, прильнувшим к стеклам в надежде разглядеть упомянутую девицу.

— Итак, мы остановились на тебе, Вольха. Осталось пять тем: «Быт и нравы гномов», «Метафизические воззрения привидений», «Сравнительный анализ психологии домовых и конюших», «Роль русалок в экологии пресных водоемов» и... Ах нет, Питрим ее опять вычеркнул. Значит, всего четыре темы. Что ты кривишься?

Как обычно, мне досталась полнейшая ерунда. Привидения — зануды и моралисты, через пять минут общения с ними начинает клонить в сон. Бултыхаться в пруду с русалками тоже чревато — пиявки, насморк и комары идут в комплекте с экологией. Гномы— скрытные и подозрительные существа, у них материал для курсовой работы зубами не вырвешь. А психологию домовых и конюших можно выразить в двух словах: «мелкое пакостничество».

— Ну, ты пока подумай, а я объясню что к чему. Курсовая должна быть выполнена к первому вересклету, то есть ровно через три месяца. Она должна включать обзор литературы за последние два века — желательно той расы, которую вы выбрали для изучения. Но не ограничивайтесь одними книгами! Знаю я вас — засядете в библиотеке на сутки, перепишите пару фолиантов попыльнее и думаете, что легко отделались. Нет, дорогие мои, без прямого контакта с инородцами ничего не выйдет. На

устном опросе я вас живо расколю. Да, специально обращаюсь к тем, кто выбрал троллей: не цитируйте их, бога ради. Перескажите своими словами. Ну как, Вольха, решилась?

— Нет.

В кабинет заглянул лаборант с кафедры Травоведения, кивнул Алмиту, откашлялся и официальным тоном пригласил меня к директору в кабинет.

Пожалуй, стоит описать его поподробней. Адепты — народ любопытный, им только укажи на запретный плод, отвернись на минутку, и от плода останется сиротливый огрызок. Что там греха таить, я тоже крутилась у кабинета, как лиса вокруг курятника. Он был опечатан магией так же герметично, как куриное яйцо — скорлупой. Что только не вытворяли адепты! Долбили скорлупу отмычками, заклинаниями, левитировали под окнами, посылали на разведку дрессированных тараканов, да все без толку. О кабинете слагались легенды. Дескать, там и легендарное Зеркало Откровений, и портал в бесконечность, и свиток с заклинанием конца света, и пророчествующий череп с философским камнем в зубах — в общем, все чудеса и загадки прошлого, будущего и настоящего.

И вот я в святая святых Питрима. И что? И я разочарована до глубины души.

Игра не стоила свеч. Обстановку кабинета составляли диванчик, два кресла, стол и стул, да еще немного официальной роскоши в виде двух картин и пышного ковра.

На стуле сидел Учитель, усталый и как будто даже постаревший. В руках он держал запечатанный (бывший!) свиток.

— Садись.

— Спасибо, я постою.

Будь Учитель один, я бы села. Но за его спиной злобно поскрекивал глазами Магистр Питрим, сесть при котором означало подписать себе смертный приговор. Вот уж кто не скрывал своего презрения к адептам, тем более не поощрял панибратства между ними и наставниками.

— Ты отправляешься в Догеву,— без обиняков сообщил Питрим, выдвигаясь на передний план.

— Куда? — вырвалось у меня.

— В Догеву,— терпеливо повторил Учитель, упрямая гневную вспышку коллеги.

— Когда?

— Сейчас. Из этого кабинета ты напрямую выйдешь во двор, возьмешь на конюшне числящуюся за тобой кобылу, получишь паек и деньги у кладовщика и, ни с кем не разговаривая, покинешь Школу.

— А моя куртка? — глупо спросила я. Куртка лежала в моей комнате на кровати, я как раз собиралась пришить оторванный карман.

Учитель щелкнул пальцами, и на меня свалилась куртка, теплая и зашитая. Столь виртуозная телепортация сразила меня наповал. Прижав куртку к груди, я молча ожидала дальнейших указаний.

— Передашь этот свиток Повелителю Догевы, Арр'актуру тор Орд... тьфу, когда-нибудь точно язык сломаю. Лично. Никому его не показывай. Не доставай. Даже не говори о нем остальным вампирам.

У меня предательски задрожали руки. Свиток, покувыркаясь в воздухе, упал на пол и закатился под шкаф. Я торопливо шлепнулась на колени. Как на грех, уборщицы обходили директорский шкаф стороной, и треклятый свиток добротнo обмотался ключьями вековой пыли. Я поспешно дунула на него, но вышло еще хуже — вся пыль бросилась мне в нос и глаза, оглушительный чих смешался со звоном упавшей сверху вазы. Кое-как запихав грязный свиток за пазуху, я поднялась с колен и тут же об этом пожалела — оба Магистра смотрели на меня пронзительнее василисков. Левый василиск источал смертный холод, правый — еще более обидную укоризну. Виногато покосившись на рассыпанные у шкафа осколки, я изобразила искреннее раскаяние и сосредоточенное внимание, то есть скорчила на редкость идиотскую гримасу. Учитель, вздохнув, удовольствовался чем есть и начал подробно рассказывать о дороге на Догеву, об энергетических точ-

ках, о самых распространенных тварях этого района, но я слушала вполуха. Все это не имело значения. Не указания, так язык до Догевы доведет. А что там, в Догеве?

— Ты меня не слушаешь,— ворчливо упрекнул Учитель.

— Простите. Продолжайте.

— Ты удивлена, не так ли?

У меня вырвался нервный смешок:

— Мягко сказано.

Учитель покосился на коллегу:

— Магистр, прошу вас.

Учитель во всеуслышание назвал Питрима Магистром? Это что-то новенькое. Неужели вреднящий колдун в чем-то одержал верх?

— Уже месяц, как мы получили первое сообщение из Догевы,— начал Магистр, отворачиваясь от меня и глядя в окно. Пальцы Магистра, белые, холеные, униженные перстнями, соприкасались кончиками за спиной. Я подумала и села. Не любит он меня. С того самого дня, как схлестнулся из-за меня с Учителем. Впрочем, Питрим недолюбливал всех адептов, а в особенности практиков. Ходили слухи, будто какая-то колдунья одолела его в честном поединке, выставив на посмешище.— Вернее, не Догевы, а Камнедержца, города на реке Выпь. Это ближайший сосед Догевы. Градоправитель просил прислать мага. Но один из закончивших обучение адептов был распределен в Камнедержец год назад, и город не мог на него нахвалиться. Все правильно, ответил нам градоправитель, но две недели назад маг исчез, и на коров напала короста, так что маг им нужен позарез. Я навел справки, и выяснилось, что маг отправился в Догеву якобы по делам. И не он один. За последний месяц Догева как бездонная бочка проглотила четырех опытных, мощных и закаленных в боях магов.

— В том числе наставника по теоретической магии?

— У него было поручение вступить в контакт с жителями Догевы и выяснить, что же там в конце концов происходит.

— А нельзя спросить прямо у этого... Арр'актура Батковича?

Магистр так резко обернулся, что я поспешила вскочить и вытянуться в струнку.

— Мы спрашивали,— предотвратил взрыв Учитель.— Но получили очень туманный ответ.

— Какой?

— Он утверждает, что во всем виновата нечисть.

— Какая конкретно?

— В том-то и дело,— Учитель пожал плечами,— что вся. Вся, которая существует. Упыри, оборотни, василиски, кикиморы, моровые призраки.

В общем, перечислил энциклопедию «Нежить» от корки до корки.

— Это в Догеве-то,— добавил Питрим.— Там отродясь ничего крупнее леших не водилось. Нежить обходит Догеву стороной, как чумную. Даже ей эти гады не по нраву.— Слово «гады» он произнес с непередаваемым омерзением, даже щека дернулась от ненависти, а костяшки скрюченных пальцев побелели, имитируя акт удушения.

Учитель относился к вампирам куда спокойнее:

— Все правильно. Обычные проблемы Догевы — болезни скота, случайные травмы, неурожай. Кстати, Питрим, вы забыли упомянуть— Повелитель Догевы официально объявил о гибели девяти подданных.

— Не верю ни единому его слову! — вставил Питрим.— Этот поганый вампир юлит, как змея под рогатиной!

— Итого вместе с людьми — тринадцать человек за один месяц,— невозмутимо продолжал Учитель.

— А те... подданные, они тоже были магами? — заинтересовалась я.

— У вампиров нет магов. Только Травники. Неизвестно даже, рождаются ли у них дети с магическими способностями. Собственно говоря, мы не знаем о вампирах практически ничего. Среди тем курсовых работ, предлагаемых адептам, есть и такая: «Социальный уклад, быт и

нравы вампирьей общины», но за сто пятьдесят лет существования Школы никто не осмелился ее разрабатывать, поэтому обычно мы ее вычеркиваем.

— Что ж, заодно поработаю над темой, — попробовала пошутить я.

— Ты не на практику едешь! — непонятно с чего взъярился Магистр, наступая на меня с такой яростью, что я свалилась в кресло, а он навис надо мной, брызгая слюною. — Ты едешь с заданием! С серьезным заданием! Никаких задержек! Никаких глупостей! Приехала, переговорила с Повелителем, и назад! Если сможешь. Девчонка, ты еще слишком молода и глупа, чтобы трезво оценить происходящее. Вампиры, которые столько лет жили с нами бок о бок, обнаглели от своей безнаказанности и убивают людей в открытую!

— Питрим, это не доказано, — тихо вмешался Учитель. В голосе старого мага сквозила неуверенность, что мне очень не понравилось.

— Это будет доказано, когда она вернется... или не вернется. Тогда, по крайней мере, мы будем знать своего врага в лицо. И знать, что он враг. До сих пор кодекс магов не позволял нам причинять зло вампирам и предписывал защищать их от фанатиков-людей. Мы не придавали значения байкам тупых селян, хотя они толпами осаждают посты, умоляя защитить их от коварных кровососов. Но теперь все изменится. Вампиры будут исключены из списка союзников и приравнены к прочей нечисти! Все! Разговор окончен. Вопросы есть?

— Почему выбрали меня? Я ведь еще адептка!

— Рекомендация твоего Учителя, — прорычал Питрим, снова являя мне упитанный задок. — Отправляйся немедленно!

Адепты ждали меня под защищенной от прослушивания дверью. Я с легкостью блокировала телепатические жучки, и коллегам пришлось удовлетворять свое любопытство методом вопросов (их было много) и ответов (тут я их разочаровала).

— Ну как?

— Что они хотели?

— Не томи душу! О чем вы говорили?!

Я напустила на себя скорбный и загадочный вид. Воцарилась благоговейная тишина, как перед выносом тела. Когда она дошла до звона в ушах, я со вздохом призналась:

— Мне предложили сменить Питрима на посту директора, но, увы, я была вынуждена отказаться — суета сего грешного мира не для меня, в связи с чем я испросила разрешения удалиться в глухой скит, где проведу остаток дней в молитвах и покаянии. Прощайте все, вряд ли мы еще когда-нибудь увидимся...

Лица будущих коллег вытянулись, как онучи после стирки. Посмеиваясь, я вприпрыжку сбежала по лестнице, на ходу надевая и застегивая куртку.

Лошадка ни о чем меня не спрашивала. За два кусочка сахара она позволила обрядить себя в седло и, после долгих уговоров, взнудать. На дорогу мне выдали сумку с одеждой, ковригу хлеба, баклажку с водой (дырявую, то есть, можно сказать, практически без воды), мешочек с перловой крупой и, непонятно почему, меч, тупой и шатающийся в рукояти.

Дорога легко ложилась под копыта лошадки и очень тяжело — под мой изнеженный зад. Школа осталась позади, никто меня не провожал — адептов созвали на очередную лекцию. Ромашка вступила в светлую березовую рощицу, и деревья сомкнулись за моей спиной, отрезав путь к отступлению. Впереди, на обочине, неподвижно стоял человек в синем просторном одеянии, отороченном золотой тесьмой. На груди, чуть покачиваясь на серебряной цепочке, тускло светился крупный изумруд.

Я натянула поводья. Учитель подошел, коснулся рукой моего колена. Сухое тепло пробилось сквозь тонкую штанину.

— Я отвечу на твой последний вопрос, Вольха. Видишь ли, существуют проблемы, для разрешения которых малопригодна грубая сила. Никто не спорит, у меня

было бы гораздо спокойнее на душе, если бы ты была отменной воительницей и профессиональной магичкой. Но в нашем случае это не имеет никакого значения, да и погибшим мало помогли знания и опыт. Ведь самый страшный и коварный монстр всех времен и народов — это... слухи. С ним-то тебе и суждено сразиться. Я посылаю тебя как самую непредвзятую адептку. Ты никогда не слушаешь старших, не веришь сплетням и наговорам; чтобы тебя убедить, нужно подsunуть правду тебе под нос, дать ее пощупать и понюхать, а уж потом ты никому не позволишь сбить себя с толку. Ты не мягкая глина, тебя не вылепишь по своему образу и подобию, и не податливый воск, на котором пропечатываются чужие слова и мысли. У тебя всегда есть свое мнение. Оно мне и нужно. Я хочу знать правду. Правду о том, что происходит в Догева. Я хочу услышать ее от тебя.

— Я постараюсь, Учитель.

— Не перестарайся. И запомни — если ты не вернешься, начнется война.

Размечтался. Я вернусь.

Глава 2

Я недолго наслаждалась прохладной тишиной елового бора. Деревья поредели, тропинка обозначилась четче и влилась в широкую дорогу, опоясывающую дно пиалы. В поле за дорогой пасся стреноженный сивый жеребец. Вампир тихонько, мелодично свистнул, и жеребец поскакал в нашу сторону, грузно подбрасывая спутанные передние ноги. Ромашка насторожила уши. Вампир потрепал жеребца по загривку, снял путы и легко вскочил в седло. Я приподнялась на стременах. Догева почти сливалась с горизонтом, до нее оставалось минут двадцать легкого галопа. Вокруг же — поле, раздольное, черноземное, на отдельных участках трава выше пояса, попадаются и тщательно выкошенные полосы, и следы потравы ско-

том. Вдалеке двигалась, извиваясь, черно-бело-рыжая лента — коровы, идущие с водопоя.

Вампир не оставил мне времени на шпионаж. Тряхнув поводьями, он послал коня в галоп. Мне пришлось последовать его примеру, хотя хуже Ромашкиного галопа только гонки на телегах с квадратными колесами.

Проскакав около четверти версты по дороге, кольцующей долину, мы резко свернули вправо. Теперь город лежал прямо перед нами, казалось — рукой подать, но расстояние было обманчивым — прошло не меньше получаса, Ромашка потемнела от пота и пожелтела от пыли, а Догева приблизилась на самую малость. Вдоль дороги потянулись домики. Они располагались на довольно большом расстоянии друг от друга, не то что в человеческих городах, где между иными лачугами едва протиснешься боком. За домиками — все те же поля, аккуратные сараюшки, сады — яблоневые и вишневые, маленькие разноцветные клочки огородов. И никаких заборов. Нет даже выраженной границы между соседними участками. О многом хотелось расспросить, но мой провожатый за всю дорогу ни разу не оглянулся. Тем не менее, когда Ромашка сбивалась с шага и отставала, он тоже придерживал жеребца. Изредка мелькали в полях занятые прополкой жители да угрюмо убирались с дороги крупные поджарые псы серовато-песочного окраса. Ни один не гавкнул, не погнался за лошадью, однако та заметно нервничала и подозрительно косилась на клыкастых зверюг, спокойно переживавших на обочине.

Пыль сменилась булыжником, и Ромашка, оживившись, бодро зацокала подковами по каменной мостовой. Мы въехали в город.

Здесь дома стояли чуть почаще, но все равно не как у людей. Да и дома какие-то маленькие, словно только для ночлега, срублены из некрашенных бревен и покрыты черепицей. Не похоже на город ни капельки. Все чистенько, пахнет цветами и хвоей. По бокам мостовой — трава. Вокруг — нетронутый лес, расчищены только просеки для дорог и строений. В кронах деревьев, а то и прямо на

крышах самозабвенно распевают непуганые птицы. Под ногами не путаются ни куры, ни свиньи, только тоскливо провожают путника взглядом все те же странные псы без ошейников.

Встречные жители кидали на меня любопытные взгляды. Званная гостья отвечала им тем же.

Мостовая подкатилась к круглому фонтану, обтекла его, скрестилась с поперечной, тоже вымощенной, дорогой и устремилась дальше. У фонтана сивый жеребец остановился и, опустив длинную усатую морду за каменный бортик, припал к воде. Я поравнялась с ним и ослабила поводья. Ромашка тяжело, благодарно вздохнула, и я услышала, как в ее подрагивающих боках булькает глотаемая вода.

— Эй, хватит с тебя! Остынь сначала! — Я резко натянула поводья.

Ромашка возмущенно расфыркалась.

— Не волнуйся, она не обопьется, хоть и долго бежала. Эта вода никому не может навредить.— Вампир спешил-ся, передал поводья подбежавшему мальчугану.

Соскочив на землю, я зачерпнула пригоршню воды, поднесла ко рту. Вода была свежая, чистая, с привкусом кремния. Знакомые искорки побежали от кончиков пальцев к селезенке. Сколько бы Учитель ни твердил, что магия должна исходить от самого сердца, лично у меня она обосновалась внизу живота, как и реакция на ее присутствие. Очевидно, глубоко под землей водяная жила пересекалась с магической, придавая воде уникальные свойства. Вот она, царица легенд, живая вода. Неудивительно, что жителям Догевы не нужен ни маг, ни знахарь. Магия бьет ключом перед самым их носом.

Я закрыла глаза и сосредоточилась. Энергия расплзлась по моему брэнному телу, подпитывая ауру и наполняя резерв. Как объяснял Учитель, у человека есть две невидимые оболочки. Одна — постоянная, любое изменение в ней отражается на здоровье и настроении, чем пользуются колдуны, практикующие наведение и снятие порчи. Это и есть аура. Вторую оболочку можно сравнить

с орудием, которое человек может использовать сознательно. Или не может. Обычные люди не могут. Это как шевелить ушами, врожденный дар — либо есть, либо нет. Если его правильно использовать, постоянно развивать, как делают это в школах, он останется с тобой на всю жизнь. Ну, конечно, при волшбе он растрачивается, но потом снова восстанавливается — либо сам по себе, через два-три дня, либо при помощи природных источников. В аудитории геомагии висит огромная, во всю стену, схема расположения магических жил Белории и точек их выхода на поверхность — запомнить ее целиком не удастся даже преподавателям, чем бессовестно пользуются некоторые адепты: на экзамене с уверенным видом тыкают в карту наугад, куда-нибудь да попадут. Последний раз мне удалось восполнить резерв из жилы, проходившей под сортиром харчевни «Золотое яблоко», что в сорока верстах от Стармина. Потом в дверь замолотили с такой силой, что пришлось прерваться. Что поделаешь, жилы не выбирают, где проходить. Может, хозяин харчевни обнаружил, что нигде не сидится так хорошо, как над жилой, и воздвиг на полюбившемся ему месте сортир.

По правде говоря, настоящие профессионалы, архимаги, не нуждаются ни в каких жилах, да и резервом не ограничены. Они умеют черпать силу прямо из стихий. Но далеко, ой как далеко адептке-восьмикурснице до архимага — два года учебы да еще четыре степени магистратуры. Не всякий выдержит.

Бассейн фонтана был выложен светло-серым камнем, гладким на сколах и напоминающим кремль. Никаких писающих мальчиков, поставленных на хвосты рыб и прочих мутантов, исторгающих воду из самых неподходящих мест, — только неотесанные камни и высокий конус в центре бассейна. Из расщелин выбивались сотни тонких рассыпчатых струек, от крохотных, в пядь, до не уступающих деревьям. На мостовой трепетало кружево прозрачных радуг, водяная пыль искристой крошкой оседала на волосах.

Мой провожатый, отлучившись на минутку, привел с собой трех вампиров, которые представились как Совет Старейшин, но не показались мне чересчур старыми. Если бы не серьезные, пронизательные глаза да редкие нитки седины в черных волосах, я бы дала им лет по тридцать.

Ромашка уже напилась и, повернув морду к дружной троице, подозрительно стригла ушами.

Вежливо поприветствовав молодых Старейшин, я поинтересовалась, когда смогу получить аудиенцию у Повелителя Догевы Арр'актура тор Ордвиста и т.д. и т.п.

Старейшины замялись. Смущенно помолчав, они признались, что не знают, где он, и с утра еще его не видели. Вы представляете, что бы творилось у нас, в Стармине, если бы король не мозолил глаза ни одному из подданных больше двух с половиной минут?! Подняли бы панику, кликнули стражу, привлекли сыщиков, согнали в кучу магов и прорицателей, в лепешку бы расшиблись, а выяснили, куда изволил удалиться досточтимый монарх. И установили бы за этим местом скрытое наблюдение. А здесь, извольте видеть, П. Д. А. О. Ш. и т. д. исчез в неизвестном направлении и мне об этом сообщают так же спокойно, как о нынешнем урожае свеклы.

Следующее предложение Старейшин отличалось еще большей новизной и своеобразием. Я никак не могла вписаться в траекторию полета их мыслей. Они сказали мне: — А вы его поищите где-нибудь. Может, найдете.

Час от часу не легче. Я не пробыла в Догеве и часа, а мне уже предлагают обшарить ее в поисках Повелителя, о котором сами догевцы имеют весьма смутное представление!

Старейшины и провожатый стали наперебой уверять меня, что Повелитель вот-вот придет и я могу подождать его здесь, у фонтана. Я оглянулась на любопытных, понемногу стягивающихся к площади, внутренне содрогнулась и изъявила полную готовность приступить к розыскам.

Старейшины горячо пообещали содействовать мне в этом славном начинании и, откланявшись, удалились, оставив меня у фонтана наедине с проводником.

— Как он хоть выглядит? — обреченно поинтересовалась я.

— Увидите — узнаете.

— Молодой, старый?

— Совсем еще мальчишка. В прошлом году ему исполнилось семьдесят три года. — Он сказал это очень серьезно, как говорят заведомую ложь маленькой девочке, и я немного обиделась. Что они скрывают? Не съест же меня этот Арр'актур. Или съест?!

— Где я могу искупаться и вымыть лошадь? — вспомнила я. Ромашка, заинтересованная сторона, положила морду мне на плечо.

— Проедете немного по южному кресту и свернете на четвертую слева тропинку.

Я замешкалась, не сразу сообразив, что крест — это скрещение мощеных дорог, каждая из которых указывает на одну из сторон света.

— А вы...

— Да? — Он обернулся. Длинные темные волосы рассыпались по плечам.

— Вы не проводите меня?

— Мне нужно возвращаться. Я Страж, я не могу надолго покидать Границу.

— Подождите... Еще один вопрос... — Я замаялась, не в силах подобрать слова. — Вы... Неужели вы не боитесь?

— Чего?

— Ну, я... вы, конечно, не можете сказать мне это в лицо... но я — чужая здесь. Вы не боитесь, что я что-нибудь натворю? Конечно, я в общем смысле, за себя-то я ручаюсь, но вы же меня совсем не знаете! Кто-нибудь другой мог бы... ну... что-нибудь испортить, в общем, совершить какой-нибудь плохой поступок? Вы не боитесь этого? Ведь я остаюсь совсем одна!

— Мне показалось, вам нравится одиночество, — спокойно ответил Страж. — Я подумал, что самостоятельная экскурсия по городу доставит вам больше удовольствия, чем постоянный конвой за спиной. Впрочем, если вы

чувствуете себя одиноко или неудобно, я могу подыскать вам провожатого.

— Нет-нет, вы правы,— торопливо согласилась я.— Я никогда не скучаю в своем обществе. Но все-таки... Вы не боитесь отпускать меня одну?

— Вы в Догеве,— серьезно сказал он, вскакивая в седло.— Здесь вы никогда не будете одна.

Глава 3

Уже восемь минут я сомневалась в своих математических способностях. Вроде бы он сказал — четвертая тропа. Вроде бы на четвертую я и свернула. Или у вампиров другая система счисления?

Но тут в мою щеку алчно впился рыжий речной комар. Жажда крови ни к чему хорошему не приводит. Комар поплатился за свое злодеяние, я смахнула его бранные останки с ладони и подбодрила Ромашку каблуками. Деревья раздвинулись, тропа круто оборвалась, и мы с лошадкой выбрались на небольшую прогалинку возле уютного лесного озерца, маленького, но чистого до черноты. Родичи невинно убиенного комара накинута на меня со страстной жаждой мщения и крови. Я поаплодировала им и спешила.

Озеро было занято. Серые штаны конкурента вольготно раскинулись на ольховом кусте. Рядом валялась потрепанная кожаная куртка, расшнурованные сапоги и странного покроя рубашка с двумя узкими прорезями на спине.

Приглядевшись, я заметила его встрепанную — не успел, видимо, окунуться,— голову, затылком ко мне, медленно движущуюся по направлению к кувшинкам. Плеск далеко разносился по воде, подернутой белесой вечерней дымкой. Длинные волосы набрякли на концах, отяжелели и липли к шее, когда пловец приподнимался над водой в мощном гребке. Заходящее солнце вызолотило макушку незнакомца. Ни у кого в Догеве я пока не ви-

дела светлых волос— да еще такого необычного, бледно-золотистого, льняного оттенка.

Тут пловец нырнул, после чего разом потемневшие пряди облепили его голову, как щупальца лежащего на затылке осьминога. Не могу же я ждать, пока он наплещется и уйдет баиньки! От Ромашки остро разило потом, от меня, надо полагать, тоже. В конце концов, совместное купание в одном озере еще ни к чему не обязывает. Закинув повод на сучок березы, я попыталась расседлать нетерпеливо приплясывающую кобылу дрожащими от усталости пальцами. Потник прилип к ее горячей натруженной спине, а седло оказалось до того тяжелым, что вырвалось у меня из рук и упало в траву. Махнув на него рукой, я повела лошадь к воде, по дороге достаточно неаккуратно расставаясь с предметами туалета. Последней слетела полупрозрачная шелковая рубашка, вся в разводах пота. Я осталась в том кружевном ансамбле, который со скидкой на его миниатюрность можно было назвать раздельным купальником.

Тут только я заметила, что беловолосый тип, осмелившийся замутить мое озеро, стоит у берега по пояс в воде и, с возрастающим удовольствием подавшись вперед для лучшей видимости, наблюдает за бесплатным стриптизом.

— А сейчас будет самое пикантное, — мрачно сообщила я, выпуская повод. Моя заморенная лошадка обрела небывалую прыть. Она с разбегу врезалась в воду широкой грудью, пенная волна сбила шарахнувшегося типа с ног и накрыла с головой.

Пользуясь его замешательством, я последовала за кобылой. Ромашка, зайдя по шею, блаженно замерла, расплескав по поверхности белую гриву. Из-под копыт лошади чернильными струйками поднимался жесткий крупитчатый ил из кусочков перепревших листьев и ольховых шишечек. Пряди колючего роголистника оплетали ноги, как невод, закинутый стариком в расчете на золотую рыбку. Истосковавшись по ванне (если, конечно, не считать ванной помой, выплеснутые из окна мне

на голову на одной из узких улочек Камнедержца), я плескалась в воде добрый час, выполаскивая из волос дорожную пыль и оттирая Ромашку пучком водорослей, отчего та слегка позеленела и приобрела приятный запах тины. Накупавшись влать, я повела лошадь к берегу и тут только заметила, что свежeweымытый тип, о котором я успела напрочь забыть, не ушел. В штанах, но с обнаженным торсом он сидел на травке, растопырив серые крылья для вящей просушки. Угольно-черные брови и ресницы резко контрастировали с мокрыми, но все равно слишком светлыми волосами, небрежно отброшенными за плечи. Симпатичный парень, худощавый, но ладный, чувствуется сила. На груди, на тонком шнурке, висел амулет в виде когтя из коричневого, брызжущего золотыми искрами камня.

— Привет,— с клыкастой усмешкой сказал вампир, изучая меня с ног до головы. Взгляд у него был спокойный, глаза чуть насмешливые, искрометные, ровного серого цвета.

— С легким паром,— буркнула я, наклоняясь и выдергивая из-под нахала свой левый сапог.

— И тебе того же,— иронично ответствовал он.— Я Лён.

Подходящее имя, больше похожее на приставшее в детстве прозвище. Глядя на его подсыхающую голову, я сразу вспомнила поле вызревшего льна, тихонько и задумчиво шуршащего маслянистыми семенами в пузатых коробочках.

— Береника,— невесть зачем солгала я.

— Врешь,— ни на мгновение не задумался вампир.

— Ладно, Вольха,— с досадой проворчала я.— Неужели во всей Догеве не сыщется ни одного вампира, пребывающего в глубоком неведении касательно моей скромной особы?

Вампир изучал меня с неослабевающим, явно нездоровым интересом.

— Боюсь, что нет. Долина не так уж велика, здешние новости разлетаются со скоростью ветра. Хочешь меня еще о чем-нибудь спросить?

— А должна?

— Нет, но я могу ответить.

Я промолчала, доставая из притороченного к седлу вьюка чистую рубашку. Он ждал, не проявляя ни малейших признаков нетерпения. Вопросы-то у меня были. Но все какие-то сложные и неоформленные. Попробуйте вытряхнуть из банки одинокий соленый огурец. Легко, правда? А если их там с десятков и каждый стремится попасть на тарелку первым? Вот так и мои вопросы. Они сцепились боками, как огурцы, и по отдельности вырваться из меня не могли.

— Темнеет. Пора возвращаться,— сказал светловолосый, глянув на уткнувшееся в горизонт солнце.

Комары завывали все кровожаднее, вынуждая поторапливаться. Приложив немало усилий, я со второй попытки забросила на Ромашку седло (после первой мне пришлось обойти лошадь и подобрать его с земли). Не успев возрадоваться, я заметила потник, прикорнувший под кустом. Пока я за ним ходила, Ромашка встряхнулась и незакрепленное седло шмякнулось на песочек. Поскрипев зубами, я водрузила его на место, предварительно накинув потник. Сил у меня почти не оставалось, и ремни подпруги сошлись на второй дырочке. С сомнением оглядев четвертую, порядком разношенную, я решила идти пешком, дабы не сползти под лошадиное брюхо вместе с седлом.

Вампир встал, вежливо оттеснил меня в сторону и одним рывком, без видимых усилий, затащил подпругу и застегнул пряжку как следует.

— Проводить тебя?

Я неопределенно пожала плечами. Какая, собственно, разница— этот вампир мною поужинает или другой? Тем более что обратную дорогу я представляла себе довольно смутно.

Итак, мы шли рядом, зеленая кобыла трусила позади, то и дело натягивая повод, чтобы выдернуть клочок травы из обочины, а толковые вопросы упорно не желали приходить на ум.

— Дорога дальняя?— спросил наконец Лён, сжалившись надо мною.

Я покосилась на вампира, но тот беспечно помахивал заброшенной за спину курткой, не выказывая особого голода.

— Три дня пути.

— Из Стармина, верно?

— Почти. Из пригорода.

— Уезжала когда-нибудь так далеко?

— Нет, никогда. Надеюсь, причина стоящая... Ты, гнусная скотина!

Кобыла, чей резкий рывок едва не вывихнул мне руку, с сожалением отказалась от одинокой головки красного клевера, завлекательно качающейся над низкой травой.

Ни Лён, ни Ромашка не обратили на мой праведный гнев ни малейшего внимания.

— Даже слишком. Тринадцати она уже стоила жизни.

— Все так серьезно?

— Серьезней, чем ты думаешь.— Убежденный голос вампира не позволял сомневаться в обратном. Увы, на меня он не подействовал.

— Чтобы думать, надо что-то знать. Что здесь у вас творится?

— Не знаю,— честно сознался Лён, пожимая плечами.

— Ты же говорил, что можешь ответить на мои вопросы! — возмутилась я.

— На твои — да. А этот я задаю себе.

— Ну хоть примерно,— не отставала я, забегая вперед, чтобы видеть его лицо.— В этом замешан кто-нибудь... из ваших?

— Нет,— отрезал Лён.

— В таком случае какие-нибудь предположения имеются?

— Я прожил в Догеве всю свою жизнь,— тихо и серьезно сказал он.— Мне знакомо здесь каждое дерево, каждый камень, каждое живое существо... да и в неживых я неплохо разбираюсь. С ЭТИМ же сталкиваюсь впервые. Оно не живое и не мертвое, настолько странное и непо-

нятное, что само его существование противоречит всем известным законам. Но оно об этом не знает и существует в свое удовольствие.

— Это нежить?

Вампир иронично хмыкнул.

— По крайней мере, ни с чем живым не спутаешь.

Я попала в свою колею.

— А как оно выглядит?

— По-разному. Иногда это громадная собака, иногда длиннющая гадина на паучьих ножках, иногда у нее есть рога, иногда крылья. Но не в этом дело. У меня такое чувство, что оно... одно. Оно принимает всевозможные обличья, чтобы сбить нас с толку.

— С чего ты взял?

— Я запомнил его сущность. Это сложно описать, мы, вампиры, воспринимаем мир несколько иначе, больше доверяя пресловутому шестому чувству, нежели зрению или слуху. Когда мимо пролетают две птицы, я чувствую, что их две. У них есть своя индивидуальность. Чудище тоже ею обладает. Я чувствую его приход одинаково, в чьей бы шкуре оно ни явилось.

— Ерунда. Это тебе не птица из плоти и крови. Это нежить. Имя у нее одно — смерть.

Лён смотрел куда-то вдаль, глаза у него были безучастные. Мне он явно не поверил, но и ссориться не хотел, а посему просто махнул рукой:

— Они тоже так говорили.

— Кто?

— Те, кто явились до тебя.

— Они... умерли?

— Их убили, — поправил он, накидывая куртку.

Я последовала его примеру. В сумеречном лесу быстро холодало.

— Вы вызвали мага из Камнедержца, чтобы он уничтожил ее?

— Нет. Он пришел сам. Ему нужен был совет. Утром мы нашли его тело на булыжной мостовой, и сгустки крови багровели на стенах и крышах соседних домов.